

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 11-го мая 1903 года.

Картинки сибирской жизни.

„Тойонъ“.

I.

Въ маленькомъ городкѣ—деревнѣ, въ небольшой присутственной комнатѣ окружнаго правленія собрались всѣ мѣстные полицейскіе чины. Начальникъ округа имѣлъ озабоченный видъ.

— Какъ бы выйти изъ этого положенія безъ шума? Неловко вѣдь заговорить оны.

— Что дѣлать съ нимъ? Областное начальство подати, ясакъ спрашиваетъ, а у него восьми сотъ не хватаетъ. Это не шутка,—вставилъ робко секретарь.

— Собственно очень просто: протоколъ, ревизія, преданіе суду—и только всего! раздраженно произнесъ земскій засѣдатель.

— А прежде чѣмъ его суду предадутъ,—намъ всѣмъ достанется. Спросить: допустили? Что смотришь?

Вѣдь надо время, чтобъ тысячу ухлопать.... Въ областномъ думаютъ, что подати не собраны, а оны, негодяи, проторговали ихъ давно!

Начальникъ горячился.

— Положимъ, Василій Ивановичъ, до насъ съ вами было заведено, что инородцескіе головы ясачныя суммы въ торговый оборотъ пускали. И всѣ это знали! мягко вставилъ помощникъ.

— Но по крайности,—продолжалъ оны,—хоть во время возвращали. Ну окржные начальники и смотрѣли сквозь пальцы. А теперь то вотъ съ введеніемъ судебной реформы.... Прокурорамъ становится все известно. До губернатора стали слухи доходить.... Отсюда—спросы, да разспросы, да запросы....

— Конечно, я не стану инородцескимъ головою мирволить. Чортъ съ нимъ! Себѣ дороже. Предшественникамъ моимъ... ну тамъ... прежнимъ.... у нихъ свои дѣла и счеты были. А мнѣ палевать! Лишь бы эту тысячу безъ шума выпаранать.

— Въ сущности много безобразій оны дѣлаютъ!—снова запылъ теорикомъ помощникъ.

— Ну тоже имъ нынче не сладко живется!—пробасилъ секретарь.—Сколько подь судъ попалю!

— Н—да.... Прежде многое не вышло бы наружу. Н-ну, а теперь другое дѣло.

— Намъ-то чужо? А вотъ вы, Иванъ Петровичъ, завтра же поѣжайте!—обратился окржный начальникъ къ записателю.—Произведите строжайшую ревизію. Выдите Трофимова изъ управы и серьезно, строго поговорите съ нимъ. Разъясните.

— Слушаю—съ.

II.

По обширной тайгѣ, на огромномъ пространствѣ, разбросаны якутскія юрты группами и въ одиночку.

Зимой оны часто бываютъ занесены снѣгомъ и узнаются по струющему дымку.... Летомъ каждую юрту и группы ихъ окружаютъ облака дыма, распространяемыя дымокурами, разведенными изъ травы и кизика, съ цѣлью оградить скотъ отъ нападенія комаровъ и овода. Около юрты мѣнется непремѣнно озеро или рѣчка, хо-

рошій лугъ, часто и пашня, но, конечно, микроскопическихъ размѣровъ.

Вотъ большое озеро. Вокругъ него кольцомъ расположились юрты и урасы^{*)}, а поодаль на крутомъ берегу рѣчки, вытекающей изъ озера, красуется обширный деревянный домъ русской архитектуры. Домъ окруженъ разными постройками: амбарами, юртами, хотонами (хлѣба, выстроенные на подобіе юрты), навѣсами. Совсѣмъ помѣщица усадьба, но особаго рода. Въ усадьбный дворъ ведетъ торная дорога. Тесовые ворота открыты настежь. Посреди двора мирно спятъ, растянувшись, двѣ лохматые собаки, а третья гремитъ, въ глубинѣ двора, передвигая цѣпью.

У столовъ—коновязей стоятъ бѣлые, махнатые якутскіе кони, осѣдланные мѣстными оригинальными, и не безъ претензій на отбѣлку, сѣдлами, не похожими по фасону ни на одно изъ европейскихъ или западно-азиатскихъ сѣделъ.

кровать, покрытая, поверхъ тюфяка, медвѣжьей шкурой. Въ переднемъ углу русскіе скамьи и сундуки, закрытые якутскими пестрыми коврами изъ шкуръ домашнихъ животныхъ. Передъ ними, по русски, столъ. У одной изъ стѣвъ находится горка съ полной сервировкой изъ стариннаго серебра, а на другой стѣвѣ красуются связки бѣличьихъ и колонковъхъ шкурокъ. На остальныхъ стѣнахъ развѣшаны олеографія и фотографическіе портреты разныхъ якутовъ и якутокъ, священниковъ, полнѣйшихъ чиновниковъ, казаковъ. Нѣсколько стульевъ довершаютъ убранство этой якутской гостиной, изъ которой одна дверь ведетъ въ глубь дома, въ комнату, съ завѣшанными окнами. Хотя здѣсь довольно темно, но все же можно различить въ одномъ углу, на полу, груды наваленныхъ постелей, т. е. оленьихъ шкуръ, подушекъ, шубъ, завязанных одѣялъ. Въ другомъ углу, утлая въ перинѣ, хрипитъ толстый и сѣдой якутъ. По стѣнамъ виситъ носильное платье.

И тишину и сладкое хрипанье толстаго якута нарушилъ вновь вошедшій якутъ, который то присѣдая, то выгибая впередъ шею и голову, какъ новорожденный глухарь, прислушивался, тихо и медленно подвигался, что-то шепча и бормоча. Въздъ за нимъ изъ наружной двери выглянула женская голова, и, сказавъ что-то по якутски громко и быстро, скрылась. Якутъ пошелъ къ двери темной комнаты и заговорилъ быстро, быстро, часто кланяясь и употребляя слово „тойонъ“. Ему отвѣтомъ было сонное мычанье, но якутъ уже не унимался. Тогда спустя минуту пять, выплыла изъ темноты полная фигура съ заплаканнымъ лицомъ, и хотя съ соннымъ, но важнымъ выраженіемъ.

— Зачѣмъ будили не во время? накинулась она на якута на родномъ языкѣ.— Я самъ тойонъ, но хуже засѣдателя! Никогда такъ не дѣлай.... Засѣдатель зоветъ меня? Куда зоветь, когда самъ здѣсь, а не дома? Самъ въ мою управу, волюсть пришелъ, а меня зоветъ? Порядки оны не знаетъ, а еще сказываютъ,—россійскій, умный человекъ. Изъ Россіи пріѣхалъ. Объясните ему, что тойонъ—голова дома, что оны не бѣдный тунгусъ, что у него есть чѣмъ принять гостя, хорошаго человека, что оны порядки знаетъ и что оны много разъ принималъ большихъ русскихъ тойоновъ. И всѣмъ спасибо говорю. И скажите ему по русски: „голова, удученый тойонъ, милости проситъ къ себѣ“. Такъ скажите.

Якутъ не посмѣлъ энергичнѣе объяснить, что голову именновъ волюсть требуютъ; оны вышелъ во дворъ, сѣлъ на свою бѣлую лошадку и изтезъ.

А голова велѣлъ поставить большой самоваръ, принести вина, закуски, сласти и все поставить на столъ, а самъ вышелъ на крыльцо, чтобъ заняться своими дѣлами, не теряя времени.

Какъ только оны появились, изъ всѣхъ закоулковъ стали выплзывать якуты и притдвигались къ нему, робко и униженно кланяясь. У всѣхъ были просьбы или жалобы. Голова занялся тѣмъ, что его болѣе всего интересовало. Оны объявилъ цѣны на бѣлку, горностая и другую пушнину и сообщилъ, что желающіе могутъ вмѣстѣ денегъ взять у него все необходимое, начиная съ хлѣба, мануфактуры, бакалей, и кончая водкой. Денегъ нѣтъ. Долго кланялся и топта-

Лекціонный корпусъ Томскаго Технологическаго Института.

По двору снуютъ во всѣ стороны большеловые и коротконогіе якуты въ своихъ кафтаннахъ и торбасахъ изъ оленьей кожи (обувь).

Якутки, въ блузахъ не то русскаго не то татарскаго покроя,—носятся съ берестяной посудой, съ деревянными лотками отъ дома къ юртамъ, къ службамъ и обратно. По всему видно, что здѣсь кипитъ домашнее хозяйство и жизнь бьетъ ключемъ, какъ давно не бьетъ уже во многихъ русскихъ помѣщичьихъ усадьбахъ.

Широкое крыльцо ведетъ въ большую, свѣтлую комнату—сѣни или переднюю. Здѣсь полъ, по мѣстному обычаю, густо застланъ хвойными „лашками“, а во внутреннемъ, лѣвомъ углу, устроенъ обширный камелькъ, родъ каминна или очага, но большихъ размѣровъ.

У стѣвъ поставлены обыкновенныя русскія скамьи, и больше въ этой комнатѣ нѣтъ никакого убранства. Надѣвъ, въ открытую дверь видно помѣщеніе, соответствующее кухнѣ. Тамъ толстае якуты и якутки, дѣти.... Оттуда доносится стукъ посуды; слышенъ трескъ камелька.... Направо дверь ведетъ въ большую и свѣтлую, комнату, тоже съ обширнымъ камелькомъ въ углу. Здѣсь полъ сплошь закрытъ, по мѣстному обычаю, лошадиными и воловыми шкурами. Обстановка комнаты странная. Въ одномъ углу стоитъ европейскій диванъ, въ другомъ желѣзная

*) Урасы—дѣтскій шалашъ изъ бересты, оны конусообразныя.

III.

лась якутская беднота, пока не рѣшила, что возьметъ лишь муки, соли и свинца. Явились на сцену якуты, просящие припасовъ подъ работу и тутъ же заваляли себя по баснословно дешевой цѣнѣ на годовыя работы: сельскохозяйственные, лѣсорубныя и извозныя, не смотря на то, что въ мѣстности подешвина стоитъ 1 р.—1 р. 50 к., а мѣсячная плата 10 р.—15 р. Были и просившіе отсрочки платежа долга. Эти выражали просьбу, стоя на колѣняхъ, но съ ними разговоры были коротки...

Изъ табуна привели для осмотра большую лошадь. Пригнали быка для колотыя. Послышались колокольцы и во дворъ вкатила тѣлжка. Голова очень удивился, увидѣвъ въ ней старосту и русскаго волостного писаря.

Поздоровались.

водка—тоже. Шампанское найдется. Кумысъ свѣжай. Сейчасъ быка рѣжутъ. Все есть: пусть идетъ—не бойся! Онъ молодой—я старый.

Голова ушелъ въ домъ. Волостные уѣхали. Тойонъ сталъ прискидывать сколько онъ взялъ на торговлю ясачныхъ денегъ, сколько rozdать поды проценты и когда срокъ возвращенія.

„Чиновники что“,—думалъ тойонъ.—Дѣло можно уладить. Этотъ засѣдатель тоже ломается, притѣсняетъ не даромъ. Хочетъ тоже тутъ нажить... Мало-ли что могутъ они написать губернатору. Не первый разъ... Ну: „неурожай, травы нѣтъ, скотина хвораетъ, улова нѣтъ, звѣроловство плохое“... Мало-ли! Одни ловко соврнутъ, другіе легко повѣрятъ, а я время выгодаю, отсрочку получу. Всѣхъ научу рассказывать, что нынче плохо жить.

Въ грязной, тѣсной и пропитанной запахомъ скверной махорки, присутственной комнатѣ волостного правленія засѣдатель выслушивалъ докладъ старосты, который въ концѣ концовъ, испугавшись, что его пошлютъ „силой брать голову“ и что будетъ „бой“, прибавилъ отъ себя, что „тойонъ шибко хвораетъ“.

— Ты ужь ходилъ бы ему... онъ больно тойонъ... У него все есть... Дастъ тебѣ. Не сердись. Засѣдатель раскричался на старосту и прогналъ его. А писарь—тертый калачъ изъ сильныхъ и несомнѣнный участникъ въ продѣлкахъ головы, покрыватель его,—сладко объяснялъ, что голова сильный и уважаемый человекъ даже въ областномъ городѣ, что у него всѣ вла-

Меньшиковъ въ Березовѣ. (Съ картины художника В. И. Сурикова).

— Дмитрий Петрович! мы за вами... Что подѣлаешь?!—какъ-бы извиняясь, говорилъ писарь,—требуетъ. Всѣ книги перерылъ. О податяхъ значить.

Голова молчалъ, покраснѣвъ. Староста затараторилъ по якутски.

Глаза головы блеснули, потомъ налились кровью, а жилы на шеѣ надулись. Онъ повернулся къ писарю.

— Не больно большой тойонъ вашъ засѣдатель!... Мальчишка!... Я—самъ—тойонъ! Я—улуспый голова! Ко мнѣ исправники всегда съ поклономъ ѣздили! Чиновники ѣздить... а я къ нему въ волость пойдю... Я—не голова, я—не тойонъ, если пойдю къ нему! Пусть сюда ѣдетъ!... Голова уже кричалъ, но потомъ, смягчивъ тонъ, прибавилъ:—скажите ему: какіе еще тамъ пустиакы загѣваешь... зря! Пусть идетъ сюда. Тутъ поговоримъ. Уладимъ. Миромъ кончимъ. Еще спасибо скажете. Я тоже понимаю... Я не бѣдникъ. Скажите ему: самоваръ на столѣ. Вино,

Такъ размышлялъ якутскій тойонъ, поджидая засѣдателя, но дожидаясь пришлось только старосту, объявившаго съ большими предосторожностями и волнуясь, что если голова не придетъ, хотяъ силой тащить.

— Силой! Гдѣ она сила? Вотъ моя сила!

И тойонъ показалъ свои здоровенные кулаки.

— Еще тойоновъ силой не водили. Не бывало. А тамъ не сила? А здѣсь не сила?—кричалъ голова, показывая на амбаръ, гдѣ хранилось всякое добро, начиная съ чернобурыхъ лисицъ и соболей и кончая свинцомъ и ружьями—на юрту окрестъ его усадьбы.

Долго мяся и топтался староста, но уѣхать долженъ былъ ни съ чѣмъ.

— Однако времена пошли другія,—вздохнулъ тойонъ, проводивъ старосту.—Засѣдатель мальчишка, а не хочетъ поклониться мнѣ—головѣ!

сти бывають, что онъ лачныя деньги внесетъ и найдетъ оправданіе, что задержалъ, что всегда такъ бывало. И всѣ ясаки и ничего. Онъ и запугивалъ и успокаивалъ и училъ уму разуму молодого засѣдателя, прѣдъидшаго недавно изъ „Россіи“. И добился, что засѣдатель уѣхалъ ни съ чѣмъ.

На одной изъ станцій онъ сѣхался съ крупнымъ торговцемъ пушнинаю и съ акцизнымъ чиновникомъ. За чаепитіемъ разговорились. Потомъ выпили и закусили. Засѣдатель почувствовалъ потребность излить душу, рассказалъ о своемъ приключеніи.

Акцизный ужасался, возмущался порядками, охалъ и даже слегка стоналъ. А здоровый дѣтина купецъ, до того молчавшій, покачалъ головой и сказалъ серьезно:— Не умѣете, батенька, обращаться, поступать не умѣете! Этакъ, по вашему,—ничего не добьетесь. Я бы на вашемъ мѣстѣ поѣхалъ къ нему. Пусть угощаетъ. А